

БЕСПАМЯТНЫХ Николай Никифорович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

Исследует методологические проблемы культурологии и кросс-культурного анализа.

Автор публикуется в журнале «Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў» с 2006 года.

АНТРОПОЛОГИЯ ПОГРАНИЧЬЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В современных исследованиях пограничья все более заметное место занимает культурно-антропологический подход. В отличие от «пограничных исследований» и социологии пограничья, обладающих солидным стажем, серьезной институционализацией и достаточно высоким уровнем теоретических обобщений, антропологические исследования находятся на начальной стадии развития и носят преимущественно «точечный», локальный характер. В большинстве это сугубо эмпирические исследования. Тем не менее антропология пограничья представляется перспективным и интересным по результатам направлением. Она не стала пока предметом обобщающего теоретического анализа, который принят в статье.

Введение

Основная теоретическая проблема, встающая перед аналитиком культурно-антропологических исследований пограничья, заключается в их достаточно разрозненном и неконцептуализированном характере. Причина такой исследовательской ситуации видится в том, что сама культурная антропология лишена единого теоретико-методологического ядра, общей основы, с позиций которой возможен анализ методов и результатов эмпирических исследований пограничья. В этой связи сошлемся на монографию «Антропология. Одна дисциплина, четыре традиции: британская, немецкая, французская и американская» (2005) [4], содержание которой построено на принципе контраста традиций, заявленных в ее названии. В этом издании содержатся различные определения предметной области культурной (и социальной, в британской традиции) антропологии – от прикладной дисциплины, которая «на уровне здравого смысла рассматривает практические локальные проблемы», – до дисциплины, предметом которой является «всестороннее понимание человеческого рода вместе с его развитием и его траекторией на всех пространствах и во все эпохи» [4, с. 367]. При этом в американской традиции антропология, как известно, тяготеет к универсализму, нормативно включая биологическую антропологию, археологию, антропологическое языкознание и собственно культурную антропологию. Последняя определяется как «область знания, включающая исследования культурного разнообразия, поиск культурных универсалий, выявление социальной структуры, интерпретацию символики и

связанные с ними иные проблемы» [3, с. 34]. Существуют и другие подходы к пониманию предметной области культурной антропологии. В условиях подобного разнообразия у антрополога пограничья есть возможность выбора, и этот выбор осуществляется в пользу *локальной культуры*. Это подтверждают культурно-антропологические исследования пограничий США (Дж. Хейман) [12], Польши (Х. Бояр, И. Курчевска [11], А. Галасиньска, Д. Галасиньский [15], И. Кабзиньска-Ставаж [13], Д. Симонидес, Т. Смолиньска [9], Э. Смулкова [17]), Литвы (В. Савукина) [16] и других стран. Издание монографии «Пограничья Беларуси в интердисциплинарной перспективе» (Варшава, 2007), в которой представлены исследования Э. А. Мазько, С. М. Токтя, Т. А. Ивановой и других отечественных авторов [14], является первым шагом на пути обобщения культурно-антропологических исследований белорусских пограничий. Вместе с тем имеющая место попытка интегрировать такого рода исследования лишь по признаку их объектности безотносительно анализа специфики предмета и методов культурно-антропологического исследования пограничья едва ли может быть продуктивной.

Основная часть

Пограничье в культурной антропологии: понятие и предметная область исследований. Анализ результатов многочисленных эмпирических исследований пограничной проблематики показывает специфику культурно-антропологического подхода к самому понятию пограничья. Э. Смулкова определяет это понятие как «место столкновения, взаимопроникновения, нало-

жения различных народов либо этнических групп, их культур и языков» [14, с. 5, 6]. Очевидно, что содержательно понятие пограничья в культурной антропологии идентично тому, как оно понимается в социологии и в иных исследовательских направлениях, занимающихся пограничной проблематикой. Однако методологически в культурно-антропологической интерпретации пограничья выявляется несколько иной, чем в социологии и других дисциплинах, ракурс. Как исследовательское понятие, оно ориентирует на изучение ареала, в котором существует множество различного рода социальных, языковых и иных дифференциаций. Такой ареал, как правило, носит локальный характер. Анализ эмпирических антропологических исследований позволяет выявить три типа исследовательских объектов как пограничных.

Первый – объекты, непосредственно примыкающие к государственной границе. Начало исследованию таких объектов было положено в рамках дисциплины, именуемой «антропологией границ» (Р. Альварес [1; 2], Х. Доннан [7] и др.). Ее предмет, по Р. Альваресу, сфокусирован на государственной границе, рассматриваемой из «перспективы социокультурного опыта актера» [1, с. 148], каковым является житель пограничья. Один из ключевых вопросов антропологии границ состоит в уяснении значения государственной границы для тех, кто проживает в ее зоне. Граница определенным образом рефлексруется в сознании жителей и порождает многообразный «опыт пограничья» (М. Кемпный [11, с. 125]). Переживание присутствия границы образно охарактеризовал Э. Лич: «Граница не имеет измере-

ний. Мой огород стыкуется с огородом соседа. Но если граница обозначена на поверхности земли, то само ее обозначение ограничивает пространство. В природе этих граничных линий заключено то, что они многозначны и становятся источником конфликтов» [15, с. 46, 47]. В исследованиях приграничных локальных объектов происходит теоретическая кристаллизация типов отношения к границе и на этой основе установление ее места и значения в жизни локального общества. И. Курчевска, к примеру, различает объективную линию границы и границу в сознании исследуемых, что предопределяет «сложность пограничного сознания» [11, с. 368]. Последнее выражается в «интенсивном общественном освоении линии границы, выходе способов ее обсуждения за пределы технического и политического языка, признания ее социальной и культурной функций в более обширном пространстве, учете ее разнообразных – реальных и символических – воздействий на ее соседство (часто по обе стороны границы)» [11, с. 368]. На этой основе И. Курчевска определяет три типа границ: «абстрактно-нормативный» («понимание границы как ценностной формы существования и функционирования группы»); «реалистический», при котором «граница способствует реализации определенных шансов, которые могут

быть либо использованы, либо утрачены, что предопределяет жизненный баланс личности, семьи, локального сообщества и даже государства»; «фатальный», связанный с пониманием границы как неизбежности, которая вынуждает жителей пограничья искать способы приспособления к ней [11, с. 384]. Как показывает сопоставительный анализ локальных исследований приграничий, их выводы представляются справедливыми для конкретных исследуемых объектов, но едва ли могут быть экстраполированы за их пределы.

Второй тип исследовательских объектов непосредственно не связан с территориально-государственной границей, но является пограничным с точки зрения своего внутреннего культурного содержания. Это локальные населенные пункты, как правило, сельские, в которых живут представители различных этносов, языковых групп, конфессий и культурных традиций. Пограничность такого рода объектов определяется типом и характером внутрилокальных культурных границ и межкультурных взаимодействий. Благодаря Э. Коэну, основоположнику символической антропологии, в предметную область антропологии границ и пограничий включены социальные и собственно культурные границы социальных групп как «сообществ значений»: «Граница репрезентирует маску, которую сообщество представляет внешнему миру; это публичный образ сообщества» [5, с. 195], выраженный символическими средствами. Интерес культурных антропологов, занимающихся локальными объектами, сосредоточен главным образом на жизни «локального сообщества, которое преодолевает грани-

цы связей, обусловленных разделением на замкнутые группы и этнические и религиозные институты» (Х. Бояр) [11, с. 9], и на культурной дифференциации по типу «свои»/«чужие». Вместе с тем в условиях глобализации и разрушения традиционной локальной культуры, реликты которой стремятся «ухватить» многие антропологи, происходит объектная переориентация антропологии пограничья на современные мультикультурные мегаполисы с их иммиграционными процессами, порождающими внутренние культурные границы и превращающими такие мегаполисы в «новые пограничья». Эти и иные проблемы являются ключевыми для разрабатываемой У. Ханнерцем антропологии города. Третий тип объектов сочетает черты двух предыдущих, т. е. локальную «приграничность» и внутрислокальную культурную «разграниченность». При всем разнообразии исследовательских объектов сохраняется их общая специфика, они носят локальный, единичный, отграниченный от иных объектов характер и представлены либо сельскими населенными пунктами с реликтами традиционной культуры, либо современным многонациональным пограничным городом. Границы и «пограничность» локального сообщества как исследовательские объекты приобретают в этих условиях вариативный характер.

Предметная область культурно-антропологических исследований сосредоточена главным образом на идентичности локального населения. В антропологических исследованиях культурных идентичностей ключевую роль играет анализ культурных сходств, различий и культурных границ. Как пишет Э. Коэн,

антропологи, «определяя другие культуры в качестве предмета своих исследований, неизбежно <...> сосредоточивают свое внимание на “границе”. Релятивизм антропологических/антропологизированных “мы/они”, “я/иной” с очевидностью предполагает рассмотрение границы» [6, с. 63]. Сходство, различие и граница являются, таким образом, ключевыми понятиями культурно-антропологических исследований локальных пограничій. Вместе с тем в этих исследованиях отсутствуют однозначные определения понятий «граница», «культурная граница», «территориальная граница», «локальная граница», и, хотя сами эти понятия включены в исследовательский процесс, их специфика во многом остается непроясненной. Более того, сами антропологи (М. Херцфельд и др.) указывают на теоретические сложности, связанные с понятием культурной границы, которые в рамках рассматриваемой дисциплины пока не решены.

Методология «локального знания» и пограничье. Анализ теоретико-методологических оснований культурно-антропологических исследований пограничья свидетельствует об их тяготении к разработанной К. Гирцем методологии «локального знания» («практической эпистемологии»), хотя прямых отсылок к концепции К. Гирца в проанализированных работах не содержится. К. Гирц сформулировал тезис, который представляется ключевым в его методологии и который имплицитно разделяется многими антропологами пограничья: «Мы находимся не столько перед естественными видами, которые нужно упорядочить, а их качественные различия типологизировать, сколько пе-

ред безбрежным пространством самых разнообразных явлений, которые мы можем систематизировать лишь практически, релятивистски, в соответствии с нашими целями» [10, с. 30]. При этом сами исследовательские средства «сконструированы, часто даже “сколочены” таким образом, чтобы охватить текущие, дифференцированные, раздробленные явления, в своей основе не поддающиеся организации» [10, с. 30]. Хотя К. Гирц не разделял идей крайнего культурного релятивизма, фактически в его «практической эпистемологии» заложена принципиальная возможность плюрализма интерпретаций одного и того же феномена культуры.

Именно такой подход прослеживается в культурно-антропологических исследованиях пограничья. Так, характеризуя свой метод исследования, Э. Смулкова сознательно дистанцируется от социологии с ее «исследовательскими методами анкетирования» [17, с. 185], а говоря шире, от методов ее генерализации. Ключевыми методами исследования в культурной антропологии пограничья являются дескрипция и интерпретация, которые в терминах Э. Смулковой определяются как «слушать и понимать» [17, с. 185]. В силу указанной специфики в результатах культурно-антропологических исследований отсутствует тот уровень обобщения и те возможности сопоставления результатов, которыми располагает социология. Вместе с тем эти исследования содержат богатый и живой, эмоционально окрашенный материал, зафиксированный на аутентичном языке изучаемого пограничного региона. Сказанное не означает, что культурно-антропологические исследования пограничья,

сфокусированные на локальных объектах, вообще лишены генерализации, обладающей объективным содержанием. В работах антропологов пограничья содержатся такие обобщения, как «типы вербализации понятия границы», «нарративные стили», категоризация респондентов в зависимости от их заинтересованного, либо индифферентного восприятия границы (И. Курчевска) [11, с. 369, 371], типы внутри- и межгрупповых отношений, выраженные в категориях «свойскости» и «инаковости» (И. Кабзиньска-Ставаж) [13]), исследования локального в категориях этнического и национального (А. Энгелькинг [8]). На этой основе предлагаются различные «идеальные» типы идентификационных стратегий локального населения, например, лабильный, дихотомический, дуалистический и мультиплицирующий и их конфигурации (Д. Вояковский) [11, с. 42–44] и разнообразные подходы к типологизации идентичностей.

Заключение

Таким образом, изучение пограничья в рамках культурной антропологии акцентирует внимание на различных типах границ и их роли в повседневной жизни людей пограничья. Базовой идентификационной характеристикой «человека пограничья» выступает «локальность», связь с родной местностью и близким окружением. Для «человека пограничья» государственные границы одновременно «искусственные создания, разделяющие землю, на которой живут такие же

люди, говорящие на том же языке», «режущие по живому телу», и в то же время они «не оказывают существенного влияния на повседневную жизнь» [14, с. 13]. Этот вывод не беспорен. Тем не менее именно в культурно-антропологических исследованиях белорусско-польско-литовского и других пограничий Беларуси предпринята попытка описать на локальном материале известный «парадокс пограничья», который ориентирует исследователя на выявление общих, присущих лишь пограничным регионам черт, предопределяемых их локализацией и не характерных для других мест. Представляют несомненный интерес характеристики локального типа белорусской идентичности. Сильной стороной антропологии пограничья представляется исследование границ в аспекте их субъективации. Вместе с тем в той мере, в какой рассматриваемое направление сосредоточено на локальных объектах и исследует их преимущественно с позиций методологии «локального знания», современная антропология пограничий предстает в виде множества разноплановых в объектно-предметном отношении субдисциплин, каждая со своим видением границ, пограничий и идентификационных процессов. Выход за границы локального и анализ пограничья и пограничной идентичности как универсальных культурных феноменов нуждаются в иных теоретических подходах.

2. *Alvarez, R.* The Mexican-U.S. Border : The Making of an Anthropology of Borderlands / R. Alvarez // Annual Review of Anthropology. – 1995. – Vol. 24. – P. 447–470.
3. *Barnard, A.* Antropologia : Zarys teorii i historii / A. Barnard ; przełożył S. Szymański. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 2006. – 296 s.
4. *Barth, F.* Antropologia. Jedyna dyscyplina, cztery tradycje : brytyjska, niemiecka, francuska i amerykańska / F. Barth, A. Gingrich, R. Parkin, S. Silverman ; przekład Joanna Tegnerowicz przedmowa Chris Hann. – Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. – 440 s.
5. *Cohen, A.* Wspólnoty znaczeń / A. Cohen // Badanie kultury : Elementy teorii antropologicznej. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. – S.192–215.
6. *Cohen, A. P.* Boundaries of Consciousness, Consciousness of Boundaries / A. P. Cohen // The Anthropology of Ethnicity. Beyond Ethnic Groups and Boundaries / H. Vermuelen, C. Govers (eds.). – Amsterdam : Hel Spinhuls, 1994. – P. 59–79.
7. *Donnan, H.* An Anthropology of Frontiers / H. Donnan // Border Approaches: Anthropological Perspectives on Frontiers / H. Donnan, T. M. Wilson (eds.). – Lanham : University Press of America, 1994. – P. 1–14.
8. *Engelking, A.* Nacje, to znaczy grupy religijne. O wynikach etnograficznych badań terenowych na Grodzieńszczyźnie / A. Engelking // Kultura i społeczeństwo. – 1996. – N 1. – S. 109–139.
9. Folklorystyczne i antropologiczne opisanie świata : Księga oferowana Profesor Dorocie Simonides / red. T. Smolińska. – Opole : Uniwersytet Opolski, 1999. – 506 s.
10. *Geertz, Clifford.* Wiedza lokalna : Dalsze eseje z zakresu antropologii interpretatywnej / Clifford Geertz; przekład Dorota Wolska. – Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. – 251 s.
11. Granice na pograniczach. Z badań społeczności lokalnych wschodniego pogranicza Polski / red. Joanna Kurczewska i Hanna Bojar. – Warszawa : Wydawnictwo IFiS PAN, 2005. – 417 s.
12. *Heyman, Josiah.* The Mexico-United States Border in Anthropology : A Critique and Reformulation / Josiah Heyman // Journal of Political Ecology. – 1994. – Vol. 1. – P.43–65.
13. *Kabzińska-Stawarz, I.* «Swoi» («nasi») i «przybłądy» («obcy») jako kategorie podziału społeczności lokalnych. Uwagi na marginesie badań etnologicznych wśród Polaków na Białorusi / I. Kabzińska-Stawarz // Wschodnie pogranicze w perspektywie socjologicznej / red. A. Sadowski. – Białystok: Uniwersytet Warszawski, Filia w Białymstoku, 1995. – S. 173–177.
14. Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej = Памежжы Беларусі ў міждысцыплінарнай перспектыве / red. E. Smułkowa, A. Engelking. – Warszawa : DiG, 2007. – 511 s.
15. Polska – Niemcy : Pogranicze kulturowe i etniczne = Poland – Germany : Cultural and ethnic border. – Wrocław – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2004. – 333 s.
16. *Savukynas, V.* Etnikonfesionaliniai santikiai Pietryčių Lietuvoje / V. Savukynas // Kultūrologija : Kultūriniai tapatumai ir pokyčiai. – Vilnius : Kultūros, filosofijos ir meno institutas. – 2003. – T. 10. – P. 80–98.

17. Smulkowa, E. O wieloznaczności pojęcia «polak», «polski» na Białorusi / E. Smułkowa // Pogranicze : Studia Społeczne. Numer specjalny / red. A. Sadowski. – Białystok : Uniwersytet w Białymstoku, 1999. – T. VIII. – S. 185–197.

N. BESPAMYATNYH

**BORDER ZONE ANTHROPOLOGY:
RESEARCH DIRECTION CONCEPTION**

Cultural-anthropological approach occupies more and more appreciable place in modern research of a border zone. Unlike «boundary research» and sociology of the border zone possessing solid experience, serious institutionalization and a rather high level of theoretical generalisations anthropological research is at the initial stage of its development and is mainly of «dot», local character. Mainly it is purely empirical research. Nevertheless border zone anthropology is a direction perspective and interesting judging from the results. It has not yet become the subject of generalising theoretical analysis which is undertaken in the article.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 25.09.2012.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКМ